

В.Г. Дацышен*

V.G. Datsyshen*

**Китайки на российском
Дальнем Востоке
(вторая половина XIX – 1930-е гг.)**

**Chinese women in the Russian Far East
(second half of the 19th century – 1930s)**

DOI: 10.31518/2618-9100-2019-3-15

УДК 9-93/94

Выходные данные для цитирования:

Дацышен В.Г. Китайки на российском Дальнем Востоке (вторая половина XIX – 1930-е гг.) // Исторический курьер. 2019. № 3 (5). Статья 15. URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-3-15.pdf>

DOI: 10.31518/2618-9100-2019-3-15

How to cite:

Datsyshen V.G. Chinese women in the Russian Far East (second half of the 19th century – 1930s) // Historical Courier, 2019, # 3 (5). Article 15. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-3-15.pdf>

Abstract. The article is devoted to the problems of history of the female part of the Chinese community in the Russian Far East. Based on the documents stored in various archives of the Russian Federation, and the publication of statistical data, the article restores the number of Chinese women in Russia in the second half of the 19th – first third of the 20th centuries. It has been revealed that the number of Chinese women, both in percentage and in absolute figures, was small, although it exceeded several thousand people. The article raises questions of the Chinese family, social status and professional employment of Chinese women in Russia. Particular attention is paid to the problems of involving Chinese women in the socioeconomic transformations and social and political life of the Soviet Union in the 1920s – early 1930s. Although, due to the existing traditions, Chinese women did not play a significant role in social production and social and political life, the “cultural revolution” that took place in the USSR in the 1920s–1930s destroyed the patriarchal way of life of Chinese families. The paper examines the impact of Stalinist repression on the size and composition of the Chinese community in Russia; shows the problems of Chinese families in the late 1930s; presents the data on the number and personal composition of Chinese defectors from Manchuria, including women, who provided replenishment of the Chinese community in the Soviet Far East.

Keywords: Sino-Russian relations; Chinese migrants in Russia; Chinese women; “cultural revolution” in the USSR; political repression; Vladivostok.

The article has been received by the editor on 26.01.2019.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья посвящена проблемам истории женской части китайской общины на российском Дальнем Востоке. Опираясь на документы, хранящиеся в различных архивах Российской Федерации, а также публикации статистических данных, восстанавливается численность женщин-китайок в России во второй половине XIX – первой трети XX в. Выявлено, что численность китайок, как в процентном отношении, так и в абсолютных цифрах, была невелика, хотя превышала несколько тысяч человек. В работе поднимаются вопросы, связанные с феноменом китайской семьи, социальным статусом и профессиональной занятостью китайок в России. Особое внимание уделено проблемам вовлечения китайок в социально-экономические преобразования и общественно-политическую жизнь Советского Союза в 1920 – начале 1930-х гг. Хотя в силу существовавших традиций китайки не играли

* **Дацышен Владимир Григорьевич**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, Сибирский федеральный университет; профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (Красноярск, Россия), e-mail: dazishen@mail.ru

Datsyshen Vladimir Grigor'evich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of General History, Siberian Federal University; Associate Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev (Krasnoyarsk, Russia), e-mail: dazishen@mail.ru

заметной роли в общественном производстве и общественно-политической жизни, однако происходившая в СССР в 1920–1930-х гг. «культурная революция» разрушила патриархальный уклад быта китайских семей. Рассмотрено влияние сталинских репрессий на численность и состав китайской общины в России, охарактеризованы проблемы китайских семей в конце 1930-х гг. Приведены данные о численности и персональном составе китайских перебежчиков из Маньчжурии, в том числе женщин, за счет которых происходило пополнение китайской общины на советском Дальнем Востоке.

Ключевые слова: русско-китайские отношения; китайские мигранты в России; китайки; «культурная революция» в СССР; политические репрессии; Владивосток.

* * *

В последние годы история китайской миграции вызывает неизменный интерес в российском обществе, ряд историков уже опубликовали обобщающие работы по этой теме. В силу того, что подавляющее большинство китайских мигрантов были мужчинами, женская составляющая китайской миграции, как правило, оставалась за рамками этих исследований. О наличии китайок в составе китайского населения можно было узнать лишь из таких выражений: «В 1910 г. китайское население Приморской области составляло 61 429 человек (не считая женщин)»¹; «Во Владивостоке имелись дома терпимости, в которых содержались китайки»². Женская составляющая китайской миграции не затрагивается даже в фундаментальных обобщающих монографиях³. Сотрудник Государственного архива Амурской области Т.А. Лескова при рассмотрении истории китайцев в 1920–1930-х гг. не упоминает китайок, указывая лишь о наличии русских жен у китайских мигрантов⁴.

В некоторых исследованиях дается краткая информация о численности китайок в различных регионах России. Китаевед из Перми М.С. Каменских, справедливо отмечая подавляющее преобладание мужчин в китайской миграции, указывает, что «на территории Среднего Урала, по данным 1926 г., был записан 291 китаец (265 мужчин и 26 женщин)»⁵.

Говоря об историографии вопроса, необходимо отметить, что лишь в одном обобщающем исследовании не только поднимаются вопросы численности китайского женского населения, но и представлены документы, отражающие проблемы адаптации китайок в советское общество в 1920–1930-х гг. В 2009 г. в России была опубликована обобщающая работа О.В. Залесской «Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1917–1938 гг.)»⁶.

Женщины в составе китайской миграции в Российской империи

История китайской общины в России начинается во второй половине XIX в., когда на вошедших в состав новых территориях Приамурья осталось местное китайское население, а русско-китайская граница была открыта для торговцев и рабочих. В одном из первых описаний китайской общины на Дальнем Востоке России говорилось: «...всех местных жителей едва ли включает более 10 тыс. душ обоего пола, считая в том числе все племена: китайцев (все мужского пола, китайских женщин в крае вовсе нет), гольдов, ороча, мангу и гиляков»⁷.

Что касается вопроса о содержании понятия «китайцы» в России, то этим словом в русском языке обозначаются как чжунгожэнь (люди Китая), так и ханьцзу (этнические китайцы). В китайской историографии для общего обозначения китайцев в России

¹ Соловьев Ф.В. Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861–1917 гг.). М., 1989. С. 39.

² Там же. С. 84.

³ Ларин А.Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М., 2009.

⁴ Лескова Т.А. К вопросу о применении «желтого труда» на территории юга Дальнего Востока в 20–30 гг. XX в. // Чтения памяти профессора Е.П. Сычевского: Сб. докладов. Благовещенск, 2001. Вып. 2. С. 198–201.

⁵ Каменских М.С. Китайцы на Среднем Урале в конце XIX – начале XXI в. СПб., 2011. С. 131.

⁶ Залесская О.В. Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1917–1938 гг.). Владивосток, 2009.

⁷ Описание лесов части Приморской области // Записки Сибирского отдела ИРГО. Иркутск, 1867. Кн. IX и X. С. 122.

Если в южной части Приморья женщины составляли несколько процентов от общего числа китайских мигрантов, имелось некоторое число китайских полных семей, то в других районах Российской империи китайских семей почти не было, и доля женщин была значительно меньше.

В 1900 г. в Хабаровске числилось китайского населения 2100 мужчин и 7 женщин¹¹. В Забайкальской области перепись 1897 г. зарегистрировала более 2300 китайцев¹², в числе которых было всего 17 женщин. Переписью 1897 г. в Иркутской губернии было официально зарегистрировано 73 китайца и один маньчжур. В качестве родного китайский язык там назвали 74 мужчины и 4 женщины, проживавшие на территории Иркутской губернии¹³. Из семи человек, указавших китайский язык в качестве родного, зафиксированных в январе 1897 г. в Томской губернии, было 6 мужчин и одна женщина. Два китайца и китайка в документах были указаны как православные¹⁴.

Дореволюционное русское общество имело смутное представление о проживавших рядом китайках. Большинство китайок, очевидно, были домохозяйками в семьях китайских мигрантов. Эти семьи старались сохранять традиционный образ жизни. Например, когда прошение о принятии в русское подданство в 1902 г. подал китаец, женатый на китайке, Приамурский генерал-губернатор его отклонил, ответив, что по закону принять можно лишь тех китайцев, кто примет православие и «русские обычаи»¹⁵. В документах о принятии китайцев в русское подданство в 1913 г. в Амурской области в числе 161 китайца лишь один, 35-летний китаец по фамилии Яо, 15 лет проживший к тому времени в России, имел жену-китайку¹⁶.

Были среди китайок Дальнего Востока, вероятно, и авторитеты или состоятельные лица. В изданном в 1910 г. во Владивостоке фотоальбоме Н.П. Матвеева есть фото «Тауцелин – китайка, крупная домовладелица, старожилка»¹⁷. Исследователи Ф.В. Соловьев и О.В. Залеская указывали на наличие в русских городах на Дальнем Востоке в дореволюционный период китайок-проституток, но эти указания даны без ссылок на источники и без дополнительных разъяснений¹⁸.

Подавляющее большинство русского общества могла получить представление о китайских женщинах лишь через средства массовой информации. Например, в троическовской газете в начале XX в. китайки были представлены следующим образом: «Китайки живут большей частью замкнутой жизнью не по преданию или закону, а по уродливости своих ног, которые им зашивают еще с детства [...] Костюмы их очень красивы, но не женского покроя, как у нас, а мужского, т. е. те же штаны, рубашки, куртка или кофта, но с более богатой отделкой. Волосы убирают прической, своеобразной, со шпильками и цветами. Китайки все красятся и белятся. Кухонной домашней работой китайки не занимаются, это все исполняет мужчина. Китайки только вышивают и шьют, в чем они очень искусны...»¹⁹.

Накануне революции 1917 г. география присутствия китайок в России расширилась, но процент их от общего числа китайских мигрантов не вырос. В январе 1916 г., по данным русских властей, в Благовещенске проживало 4573 китайца и 37 китайок. В горных округах Амурской области работали только китайцы-мужчин, и лишь в Буреинском округе было зафиксировано 3 китайки²⁰. Численность китайок, проживавших на территории Сахалинской области, отражена в «Ведомости о числе китайских, корейских и японских

¹¹ Жуков А.М. Китайцы в Хабаровске // Третьи Гродековские чтения. Хабаровск, 2001. Ч. 1. С. 56.

¹² И.С. Земледельческая Сибирь. К вопросу о численности сельскохозяйственного населения Сибири // Известия ВСО ИРГО. Иркутск, 1911. Т. XLI. С. 155.

¹³ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1904. Т. LXXV. Иркутская губерния. С. XIII.

¹⁴ Там же. Т. LXXIX. Томская губерния. С. 75–78.

¹⁵ Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 5757.

¹⁶ Там же. Ф. 702. Оп. 1. Д. 881. Л. 322.

¹⁷ Матвеев Н.П. «В память 50-летия основания города Владивостока и присоединения Уссурийского края. 1860–1910». Владивосток, 1910.

¹⁸ Соловьев Ф.В. Китайское отходничество... С. 84; Залеская О.В. Китайские мигранты... С. 24.

¹⁹ Наш голос. 1907. 25 дек.

²⁰ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 1256.

подданных в Сахалинской области» за январь 1915 г. В Удинском уезде с центром в Николаевске-на-Амуре было зафиксировано китайцев 144 мужчины и 5 женщин. В пределах Александровского участка проживало китайцев: 380 мужчин и 12 женщин; на территории Приисковского района на 1817 китайцев-мужчин приходилось 2 китайки. В городах Сахалинской области проживало 18 китайок. Всего в начале 1915 г. в Сахалинской области на 2876 китайцев пришлось 37 китайок²¹; в мае 1915 г. на территории этой области находилось 76 китайок²²; в августе 1915 г. там на 6010 китайцев-мужчин приходилось 40 женщин²³. К концу года численность китайцев-мужчин в Сахалинской области сократилась почти в два раза, а численность женщин составляла 58 чел.²⁴ Почти половина китайок проживали в городе Николаевск-на-Амуре.

Во время Первой мировой войны начался массовый ввоз китайских рабочих на Урал и в Европейскую Россию. Рабочий контингент был представлен исключительно мужчинами. Но китайки также попадали в Россию в это время. Например, в Алапаевск китайских рабочих привез подрядчик-китаец Жэнь Фучэн, будущий известный красный командир. Подрядчик, в отличие от рабочих, приехал в Россию с семьей, жил не в бараке на лесоповале, а в городе Алапаевске. После того, как в 1918 г. местные большевики уговорили работавшего надсмотрщиком бывшего китайского офицера сформировать красноармейский отряд, жена Жэнь Фучэня с детьми выехала в Москву²⁵. Во время Гражданской войны китайки вместе со своими мужьями пытались вернуться с Урала на родину. По пути многие китайцы надолго застревают в сибирских городах. К концу 1920 г. на станции Иркутск, согласно докладу инструктора-агитатора Интернационального стола Инструкторского отдела по 5-й армии Чжан-Чжей-Хай от 11 ноября 1920 г., в китайских вагонах-теплушках оставалось 190 китайцев, в числе которых было 24 нетрудоспособных старика, 15 китайок, 3 русских женщины и 35 детей в возрасте до 12 лет²⁶.

Численность китайок на Советском Дальнем Востоке

В 1920-х гг. в Советском Союзе проживало около 100 тыс. китайских мигрантов, в том числе около 20 тыс. китайцев – советских граждан. Большая часть всех китайских иммигрантов проживали на территории Дальневосточного края. В 1923 г., по данным Дальневосточного краевого Совета народного хозяйства, в крае проживало 50 183, а в 1925 г. – 57 167 китайцев²⁷. В их числе в 1923 г. было 3341²⁸, а в 1926 г. – 3980 женщин²⁹.

В «Отчете Дальревкома и Дальэконоза за 1923–24 год» говорилось, что во Владивостоке из 23 159 китайцев обоюго пола было 1579 женщин (6,8 %), а в среди 41 480 чел. китайского населения Приморской области китайки составляли 7,5 %³⁰. В числе официально учтенных к 1923 г. 2996 китайцев в Забайкальской губернии насчитывалось лишь 85 женщин, в том числе 60 китайок, проживавших в Чите³¹. Большая их часть была представлена возрастной группой 25–39 лет, но встречались и малолетние девочки. В Амурской губернии в 1923 г. проживало 260 китайок, в том числе 49 в сельской местности³².

Во второй половине 1920-х гг. по-прежнему самая большая китайская община находилась в городе Владивостоке. Например, 8 ноября 1926 г. во Владивостокском округе было зафиксировано 34 тыс. китайцев, из которых 10 тыс. человек было отнесено к категории

²¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 1106. Л. 5.

²² Там же. Л. 23.

²³ Там же. Л. 40.

²⁴ Там же. Л. 64.

²⁵ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 221. Оп. 2. Д. 574. Л. 34.

²⁶ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 163. Л. 11.

²⁷ Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р-791. Оп. 2. Д. 3. Л. 90, 91.

²⁸ Залеская О.В. Китайские мигранты... С. 343.

²⁹ Там же. С. 246.

³⁰ Отчет Дальревкома и Дальэконоза за 1923–24 год. Хабаровск, 1925. С. 37.

³¹ Таблица населения по национальностям, полу, возрасту и грамотности. Иркутск, 1923. С. 88.

³² Залеская О.В. Китайские мигранты... С. 344.

рабочих³³. Дальневосточные историки указывают, что «ко времени окончания гражданской войны в Хабаровске оставалось 1145 китайцев [...]. В 1927 г. в слободке (Китайской. – В.Д.) проживало уже более 4000 китайцев и числилось более семидесяти домовладений»³⁴.

В начале 1930-х гг. советский китаевед И. Лайхтер писал: «Стотысячное китайское население СССР только на 19 % состоит из советских граждан. В Дальневосточном крае, где сосредоточена основная масса китайцев, живущих в СССР (71 %), китайцы-граждане СССР составляют только 5 %. Остальная масса китайцев – граждане Китая. Значительная часть из них не составляет постоянного населения СССР и сохранила самые тесные связи с Китаем. Это особенно подчеркивается составом китайского населения по полу и возрасту: мужчин 88 %, женщин 12 %, детей и подростков до 14 лет включительно 4,4 %»³⁵.

Несмотря на то, что общий процент женщин в числе всех китайских мигрантов был крайне низок, в числе постоянно проживавших на Дальнем Востоке СССР китайцев женщин было больше. Например, в статистических данных за 1930 г. указывалось, что на 790 умерших в крае китайцев-мужчин приходилось 93 умерших китайки³⁶.

Китайки разными путями попадали в СССР. В их числе были как родившиеся на русской территории³⁷, так и приехавшие, в основном из Северо-Восточного Китая. Имели место случаи приезда в Россию китайок и через европейскую границу СССР. Во второй половине 1920-х гг. появляются китайки категории «перебежчик». В документах о военнопленных китайцах 1929 г. отмечается: «Есть сведения, что в составе пленных имеется женщина – китайка, жена одного из командиров. Выясняется»³⁸. С начала японской агрессии в Северо-Восточном Китае число китайок-перебежниц на Дальнем Востоке России заметно увеличилось.

Подавляющее большинство находившихся на территории России китайок были женами китайских мигрантов, не вели активной экономической или общественно-политической деятельности. Во данных переписи 1926 г., процент грамотности среди китайцев-мужчин ДВК составил 37,2 %, а среди женщин – 7%³⁹. Однако политика Советского государства была направлена на революционные преобразования общества, вовлечение женщин и нацменьшинств в общественно-политическую жизнь.

Исследователь О.В. Залеская пишет: «Планомерная работа среди женщин-китайок Владивостока началась в конце 1924 г. Под руководством китайской партиячейки № 26 на учет было поставлено 180 китайок города, среди которых было проведено общее собрание с докладами о международной ситуации и о положении женщины в советской стране. Затем было создано делегатское собрание китайок, на которое избрали 20 делегатов. Собрания делегатов проводились в клубе имени 1-го Мая»⁴⁰.

В 1925 г. во Владивостокской совпартшколе было открыто китайское отделение. На следующий год на это отделение было принято 14 чел., в т.ч. 3 китайки. Далее благовещенский исследователь указывает: «Работа с китайками (в основном в форме собраний) проводилась также в Благовещенске, Спасске, Никольске-Уссурийском, Хабаровске. Частью работы партиячек являлось привлечение мужей к суду за избиения своих жен (на одном из показательных судов муж получил 1,5 года заключения), продажу своих жен и наложниц; устройство на работу женщин китайок, которые уходили от своих мужей, не желая терпеть ежедневные побои и издевательства. В 1926 г. в городах ДВК начали создаваться красные уголки для китайок, и женщины начали принимать в общественной работе более активное участие. При горсоветах функционировали отделы работниц, куда китайки могли прийти со своими жалобами. Отделом работниц при

³³ ГАХК. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 47. Л. 41.

³⁴ Жуков А.М. Китайцы в Хабаровске... С. 58.

³⁵ Лайхтер И. О латинизации китайской письменности // Культура и письменность Востока. М., 1931. Кн. 10. С. 22–23.

³⁶ ГАХК. Ф. Р-9719. Оп. 27. Д. 3. Л. 44.

³⁷ Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. 163. Оп. 1. Д. 20.

³⁸ ГАЗК. Ф. П-75. Оп. 1. Д. 853. Л. 43.

³⁹ Залеская О.В. Китайские мигранты... С. 146.

⁴⁰ Там же. С. 132.

горрайкоме Владивостока было организовано общежитие для китайянок, ушедших от мужа и начавших самостоятельную жизнь. Женкомиссии защищали интересы китайянок в судах»⁴¹.

Коренные преобразования в СССР, проводившиеся в рамках политики индустриализации, коллективизации и культурной революции не обошли стороной и женскую китайскую общину в стране.

Начавшаяся индустриализация вовлекала китайянок в общественное производство. Китайянки работали в артели «Приморская швея» («Примшвея»), на местной конфетной фабрике и др. Китайянки-кустари объединялись в кооперативы. В сельских районах китайцы, в том числе и их жены, были охвачены сплошной коллективизацией.

Наиболее активно проводились мероприятия для китайцев в рамках «культурной революции». Революционеры ставили своей задачей разрушить патриархальные отношения между полами, сделать женщин самостоятельными и свободными. Во Владивостоке в 1929 г. активно работала «Комиссия по улучшению быта Восточных Женщин при ОИК». В комиссии состояли: от Окрисполкома – Наградова, от Окружного Совета профсоюзов – Ван Хунсин. Члены комиссии занимались обследованием условий труда женщин, вовлечением в профсоюзы. По инициативе Комиссии во Владивостоке был открыт «китайский детсад», женская консультация для китайянок. Культурно-просветительную работу здесь решили проводить через кружок рукоделия в клубе имени Первого Мая⁴².

В рамках «культурной революции» в СССР началась пропаганда советского образа жизни. Например, в 1930 г. Китайская секция издательства Исполкома Коммунистического интернационала в Москве внесла в «План издания» такие книжки, как «Женщина СССР», «8-е марта» и др.⁴³

В рамках культурной революции китайцев приучали отказаться от старых традиций, таких как бинтование ног. Велась работа по пресечению насилий со стороны мужей. В феврале 1930 г. было проведено показательное судебное заседание по делу Ли Сяншуна, который был приговорен к году принудительных работ за то, что в течение 5 лет заставлял свою жену заниматься проституцией.

Китайянки вовлекались в движение «ликвидации неграмотности». В получившей гриф «совершенно секретно» резолюции Сретенского окружного комитета ВКП(б) «О ликвидации неграмотности среди нацмен» от 20 ноября 1929 г. говорилось: «Наличие среди восточных народностей (китайцев, корейцев, бурят) почти поголовной неграмотности, особенно среди женщин, ставит вопрос о ликвидации неграмотности в качестве основной и важнейшей задачи всей культурной работы среди нацмен [...]. В работе по ликвидации неграмотности среди национальных меньшинств необходимо обратить особое внимание на первоочередность обучения грамоте членов партии, комсомола, рабочих, допризывников, советского и кооперативного актива, бедняков, батраков и на организацию сети отдельных школ для женщин-нацменок (для китайянок и буряток)...»⁴⁴.

С первых дней начала «культурной революции» немногочисленные грамотные китайянки были привлечены к работе. Например, во Владивостокском свете профсоюзов состояла китайянка Ван Фусян. Для работы здесь привлекли представителя китайской школы *Суй-фу*, актрису китайского театра Ли Сяофэн. Можно привести в качестве примера такой курьез. В 1930 г. Зейский окружной совет профсоюзов разбирал случай, произошедший на Восточных курсах. В протоколе было записано: «Проявление нездоровой создавшейся обстановки на курсах, впоследствии разряженной, на почве выхода замуж преподавательницы китайянки за курсанта корейца, дошедшей до нежелания со стороны китайской части курсантов слушать лекции этой преподавательницы, мотивируя данный поступок как “национальная традиция”»⁴⁵.

⁴¹ Залеская О.В. Китайские мигранты... С. 132–133.

⁴² РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 938. Л. 11.

⁴³ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 78. Д. 64. Л. 10.

⁴⁴ ГАЗК. Ф. П-71. Оп. 1. Д. 4. Л. 128.

⁴⁵ Государственный архив Амурской области (ГААО). Ф. Р-38. Оп.1. Д. 3. Л. 5.

В апреле 1931 г. во Владивостоке была организована первая конференция китайянок. В повестку дня был включен вопрос: «Текущий момент и задачи партии в работе среди китайянок». На конференции присутствовало 110 чел.; среди выступавших были: артистка театра Ли Сяофэн и даже школьница Сун Гуйлян. Последняя призывала: «В школе очень мало девочек. Нужно, чтобы китайянки побольше ходили на собрания [...] посылали бы своих детей в школу»⁴⁶.

В протоколе конференции было написано: «В Китае китайянка находится под двойным гнетом: 1) под капиталистическим, 2) [...] угнетением мужа [...] Домашнее хозяйство угнетает китайянку, надо освободить ее от домашнего хозяйства. Освободить китайянку от домашнего хозяйства, а вместе с тем и от ее неравноправного положения в условиях Советского Союза может только работа [...] Сейчас в Советском Союзе идет усиленное строительство [...] у нас не хватает рабочей силы. Правильная национальная политика нашей партии создала такое положение, когда и корейка, и китайянка, и русская, работая на фабриках и заводах, не на словах, а на деле помогают советскому строительству [...] И все, как одна, будут защищать Советский Союз от нападения капиталистов»⁴⁷.

В конце 1930-х гг. руководство ВКП(б) и Советского Союза отказалось от курса на «пролетарский интернационализм» и усилило репрессивную политику в отношении различных групп советского населения. В числе первых этно-национальных общин, пострадавших от политических репрессии, были советские китайцы. Материалы о принудительных переселениях китайцев в СССР дают представление о женщинах, находившихся в составе китайской общины в тот период. В «Списке китайских подданных и их семей, проживающих в гор. Ворошилове и Ворошиловском районе, подлежащих выселению из Д.В.К., по состоянию на 15 мая 1938 года» значились 259 мужчин, 67 женщин (из них 35 русских), 69 детей⁴⁸. Таким образом, в числе выселяемых китайцев, живших в Уссурийске и его окрестностях, на 259 мужчин приходилось 32 взрослых женщины и примерно столько же девочек, имеющих обоих или одного родителя-китайца. В «Списке китайских граждан и их семей, проживавших в Уссурийской области, переселенных в Синьцзян» встречаются полные китайские и смешанные китайско-русские семьи; кроме того, указаны одинокие китайцы, но проживавшие с дочерью⁴⁹.

В 1938 г. из Приморья в Амурскую область было переселено 73 китайских семьи советских граждан, в составе которых находились 43 женщины и 130 детей⁵⁰. Все женщины носили русские имена, но в их числе были как русские, так и потомки смешанных китайско-русских браков. На наличие в китайских семьях китайянок указывает тот факт, что у некоторых жен приведены русские имена без отчества.

В документах о выселении из Приморья китайских семей встречаются и чисто китайские семьи. Вот несколько примеров: Бао-Вань-Дзин (1890 года рождения) с женой Бао-Чжан-Ши (1905 г. р.)⁵¹; Ю-Пен-Куй (1892 г. р.) с женой Ю-Кин-Куй (1913 г. р.) и сыном Юрием (1938 г.р.)⁵²; Ли-Бен-Су (1900 г. р.) с женой Сюй-Фан (1910 г. р.) и сыном Гашэ (1937 г.р.)⁵³; Цао-Хай-Шан (1889 г. р.) с женой Цао-Хай-Ши (1888 г. р.), сыном Цао-Вашаном (1931 г. р.) и дочерью Цао-Сю-Зен (1922 г. р.)⁵⁴. Несколько китайцев жили с матерями.

В числе подлежащих выселению из города Уссурийска были: «перебежчица в 1931 году. Муж арестован [...] Би-Сюй-Ши (женщина) 1914 (г. р.). Без определенных занятий», вместе с семилетней дочерью *Мэй*; «перебежчица в 1929 году. Муж арестован [...] Ван-Ку-Ши (женщина) 37 лет. Домохозяйка»⁵⁵. Здесь же были названы еще: «перебежчик в 1929 году

⁴⁶ РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 938. Л. 1об.

⁴⁷ Там же. Л. 1.

⁴⁸ ГАПК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 20. Л. 2.

⁴⁹ Там же. Д. 4.

⁵⁰ Там же. Д. 21. Л. 2.

⁵¹ Там же. Д. 4. Л. 1.

⁵² Там же. Д. 17. Л. 12.

⁵³ Там же. Л. 14.

⁵⁴ Там же. Д. 21. Л. 11.

⁵⁵ Там же. Л. 3.

[...] Сюй-Юань-Фу 1898 [г. р.]. Жена. Домохозяйка», проживавшая с двумя сыновьями 15 и 13 лет⁵⁶; «перебежчица в 1931 году [...] Кан-Лю-Ши 59 лет. Жена. Домохозяйка»⁵⁷; «перебежчица в 1931 году [...] Фу-Чжан-Ши 1900 [г. р.] Домохозяйка [...] трое детей»⁵⁸; «перебежчица в 1934 году [...] Чжэан-Ван-Ши 1888 [г. р.]. Жена. Домохозяйка» с дочерью⁵⁹. В списке также значились: «домохозяйка без опр[еделенных] занятий» 38-летняя Ли-Ван-Ши и «перебежчица в 1926 году», домохозяйка Ба-Чжан-Ши 1906 года рождения с 14-летней дочерью Ку-Син⁶⁰. В списке выселяемых была «русская» – вероятно, советская гражданка – Ли-Чэн-Хо 1911 года рождения, о которой говорилось: «Ранее проживала в гор. Спасске. Первый и второй муж ее были арестованы»⁶¹. В числе выселяемых китайцев, отмеченных как «жена, домохозяйка», названы Сын-Ши-Сы⁶² и Фу-Цзян-Мы с тремя детьми⁶³, Хуй-Сюй-Си и Ли-Чжан-Сы с четырьмя детьми⁶⁴. Таким образом, большинство китайцев, проживавших в конце 1930-х гг. на Дальнем Востоке, относились к категории «перебежчиц» конца 1920-х – первой половины 1930-х гг. Несколько китайцев-колхозниц были отмечены, как прибывшие в 1915, 1918, 1926 г.

Если все городские китайцы относились к категории домохозяек и имели от одного до четырех детей, то выселяемые из района китайцы чаще указывались как колхозницы и имели больше детей. Например, перебежчица 1929 г., колхозница Лу-Ли-Ши 1900 года рождения, была матерью шестерых детей⁶⁵. В семье арестованного на станции Раздольная китайца была русская жена и мать-«иждивенка» возрастом моложе 50 лет Ин-Цуй-Чин⁶⁶. У «родившегося в СССР» в 1918 г. колхозника Сун-Фу-Ки была прибывшая в 1916 г. в Россию мать – колхозница – 1882 года рождения Ван-Ян-Ши, жена, его ровесница и местная уроженка, Сун-Ван-Ши, две дочери и три сына⁶⁷. В списках встречаются китайцы без детей, а также имеющие по одному ребенку. У колхозницы Тянь-Ши были сын и две дочери⁶⁸.

«Список китайских подданных и их семей, проживающих в Уссурийской области, подлежащих переселению в Синцзянь» дает представление о половозрастных особенностях китайских семей: так, китайка Ван-Фу-мин была моложе мужа на 35 лет, Ли-Ван-Ши – на 21 год, Фу-Чжан-Ши – на 17 лет, Ли Чан-Хо – на 10 лет⁶⁹. Впрочем, иногда встречаются жены, которые были старше своих мужей. Например, Куо-Ю была на год старше мужа⁷⁰, Чжан-Сюй-Ши – на 2 года⁷¹, Кон-Лян-Ши – на 6 лет⁷².

После массового выселения китайских мигрантов из СССР в Синцзянь и политических репрессий в их отношении, численность китайцев на советском Дальнем Востоке сильно сократилась. Однако некоторое число китайских мигрантов, в том числе женщин, остались жить в Забайкалье, Приамурье и Приморье. Кроме того, китайцы встречались и среди осужденных, например, в колонии г. Ворошилов (Уссурийск) в начале 1940-х гг. отбывала наказание китайка Ку-Ван-Ши, «она же Ван-Сяо-Лин» 1915 года рождения⁷³.

⁵⁶ ГАПК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 20. Л. 3.

⁵⁷ Там же. Л. 5.

⁵⁸ Там же. Л. 9.

⁵⁹ Там же. Л. 10.

⁶⁰ Там же. Л. 7.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же. Л. 8.

⁶³ Там же. Л. 9.

⁶⁴ Там же. Л. 11.

⁶⁵ Там же. Л. 14.

⁶⁶ Там же. Л. 20.

⁶⁷ Там же. Л. 16.

⁶⁸ Там же. Л. 17.

⁶⁹ Там же. Д. 4.

⁷⁰ Там же. Д. 17. Л. 1.

⁷¹ Там же. Л. 20.

⁷² Там же. Д. 4.

⁷³ Там же. Л. 26.

Таким образом, во второй половине XIX – первой трети XX в. в составе китайской общины на российском Дальнем Востоке всегда были и женщины. Численность китайцев, как в процентном отношении, так и в абсолютных цифрах, была невелика, хотя превышала несколько тысяч человек. Традиционно китайки не играли заметной роли в общественном производстве и общественно-политической жизни. Однако революционные преобразования в стране в 1920–1930-х гг. разрушили патриархальный уклад быта китайских семей. Часть китайцев на советском Дальнем Востоке, переживших вместе со своими мужьями, отцами и сыновьями трудности социалистической модернизации и сталинские репрессии, были выселены из СССР. Несмотря на это, в дальнейшем в трудные 1940-е гг. оставшаяся часть китайской общины не только сохранилась, но и была значительно пополнена перебежчиками из Маньчжурии, среди которых находилось немало женщин.

Литература

Байдак А.С. Мельникова Т.В. Празднование китайского Нового года в Хабаровске на рубеже XIX–XX веков // Актуальные проблемы изучения стран АТР в XIX–XXI вв. Хабаровск: КГБНУК «Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова», 2012. С. 32–37.

Восточно-Сибирский календарь на 1875 г. Иркутск, 1874. 336 с.

Жуков А.М. Китайцы в Хабаровске // Третьи Гродековские чтения. Хабаровск, 2001. Ч. 1. С. 55–59.

Залеская О.В. Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1917–1938 гг.). Владивосток: «Дальнаука», 2009. 380 с.

И.С. Земледельческая Сибирь. К вопросу о численности сельскохозяйственного населения Сибири // Известия ВСО ИРГО. Иркутск, 1911. Т. XLI. С. 143–158.

Каменских М.С. Китайцы на Среднем Урале в конце XIX – начале XXI в. СПб.: Изд-во Маматов, 2011. С. 370.

Коровяковский П.П. Китайцы – жертвы сталинских репрессий // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 2. С. 142–145.

Книга памяти жертв политических репрессий в Восточном Забайкалье. Чита: Поиск, 2008. Т. 6. 400 с.

Лайхтер И. О латинизации китайской письменности // Культура и письменность Востока. М., 1931. Кн. 10. С. 22–32.

Ларин А.Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М.: Восточная книга, 2009. 512 с.

Лескова Т.А. К вопросу о применении «желтого труда» на территории юга Дальнего Востока в 20–30 гг. XX в. // Чтения памяти профессора Е.П. Сычевского: Сб. докладов. Благовещенск, 2001. Вып. 2. С. 198–201.

Матвеев Н.П. «В память 50-летия основания города Владивостока и присоединения Уссурийского края. 1860–1910». Владивосток: Далекая окраина, 1910. 82 с.

Материалы Амурского губернского статистического бюро. Благовещенск: [б. и.], 1925. Вып. 6. 87 с.

Отчет Дальревкома и Дальэконо за 1923–24 год. Хабаровск: [б. и.], 1925. 571 с.

Описание лесов части Приморской области // Записки Сибирского отдела ИРГО. Иркутск, 1867. Кн. IX–X.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб.: [б. и.], 1904. Т. LXXV. Иркутская губерния. 172 с.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб.: [б. и.], 1904. Т. LXXIX. Томская губерния. 273 с.

Соловьев Ф.В. Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861–1917 гг.). М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989. 127 с.

References

Baydak, A.S. (2012). Mel'nikova T.V. Prazdnovanie kitayskogo Novogo goda v Khabarovske na rubezhe XIX–XX vekov [Celebrating the Chinese New Year in the City of Khabarovsk at the turn of the 19–20th Centuries]. In *Aktual'nye problemi izucheniya stran ATR v XIX–XXI vv.* Khabarovsk, KGBNUK “Habarovskiy kraevoy muzey im. N.I. Grodekova”, pp. 32–37.

Vostochno-Sibirskiy kalendar' na 1875 g. [East Siberian calendar for 1875]. (1874). Irkutsk.

Zhukov, A.M. (2001). Kitaytsi v Khabarovske [The Chinese in Khabarovsk]. In *Tret'i Grodekovskie chteniya*. Habarovsk. Ch. 1.

Zalesskaya, O.V. (2009). *Kitayskie migranty na Dal'nem Vostoke Rossii* (1917–1938 gg.). [Chinese Migrants in the Russian Far East]. Vladivostok, “Dal'nauka”. 380 p.

I.S. (1911). Zemledel'cheskaya Sibir'. K voprosu o chislennosti sel'skohozyaistvennogo naseleniya Sibiri [Agrarian Siberia. On the Issue of the Size of Agricultural Population of Siberia]. In *Izvestiya VSO IRGO. T.XLI. 1910*. Irkutsk.

Kamenskikh, M.S. (2011). *Kitaytsy na Srednem Urale v kontse XIX – nachale XXI v.* [The Chinese in the Middle Ural in the Late 19th – Early 21st century]. St. Petersburg, Izd-vo Mamatov.

Korovyakovskiy, P.P. (1991). Kitaytsy – zhertvy stalinskikh repressiy [The Chinese Victims of Stalinist Repression]. In *Problemy Dal'nego Vostoka*. No. 2, pp. 142–145.

Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressij v Vostochnom Zabajkal'e. Tom. 6. [The Book of Memory of Victims of Political Repression. Volume 6]. (2008). Chita, Poisk. 400 p.

Lajkhter, I. (1931). O latinizacii kitayskoy pis'mennosti [On Romanization of Chinese Writing]. In *Kul'tura i pis'mennost' Vostoka*. Kn. 10. Moscow, pp. 22–32.

Larin, A.G. (2009). *Kitayskie migranty v Rossii. Istoriya i sovremennost'* [Chinese Migrants in Russia. History and Present Day]. Moscow, Vostochnaya kniga. 512 p.

Leskova, T.A. (2001). K voprosu o primenenii “zheltogo truda” na territorii yuga Dal'nego Vostoka v 20–30 gg. XX v. [On the Question of Using “Yellow Labour” in the Territory of Southern Far East in the 1920s–1930s]. In *Chteniya pamyati professora E.P. Sychevskogo. Sb. dok.* Vip. 2. Blagoveshchensk, pp. 198–201.

Matveev, N.P. (1910). V pamyat' 50-letiya osnovaniya goroda Vladivostoka i prisoedineniya Ussuriyskogo kraya. 1860–1910. [Commemorating the 50th Anniversary of Foundation of Vladivostok and Accession of the Ussuri Region]. Vladivostok, “Dalekaya okraina”.

Materialy Amurskogo gubernskogo statisticheskogo byuro. Vip. 6. [Materials of the Amur Provincial Statistical Office. Issue 6]. (1925). Blagoveshchensk.

Otchet Dal'revkoma i Dal'ekoso za 1923–24 god [Annual Report of Dalrevkom and Dalekosoz for 1923–1924]. (1925). Habarovsk.

Opisanie lesov chasti Primorskoy oblasti [Partial Description of Forests in the Amur Region]. (1867). In *Zapiski Sibirskogo otdela IRGO*. Kn. IX i X. Irkutsk.

Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoj imperii 1897 g. T.LXXV. Irkutskaya guberniya [The First General Census of the Russian Empire in 1897. Vol. LXXV. Irkutsk Governorate]. (1904). St. Petersburg.

Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoj imperii 1897 g. LXXIX. Tomskaya guberniya. [The First General Census of the Russian Empire in 1897. Vol. LXXIX. Tomsk Governorate]. (1904).

Poznyak, T.Z. (2002). Polovozrastnaya struktura i semejnoe polozhenie kitayskih immigrantov na rossiyskom Dal'nem Vostoke (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.) [Age Gender Structure and Family Status of the Chinese Immigrants in the Russian Far East (Second Half of the 19th – early 20th century)]. In *Rossiya i Kitay na Dal'nevostochnykh rubezhah*. Blagoveshchensk, izd-vo Amurskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 391–396.

Solov'ev, F.V. (1989). Kitayskoe othodnichestvo na Dal'nem Vostoke Rossii v epohu kapitalizma (1861–1917 gg.) [Chinese Regionalism in the Russian Far East during the Capitalist Era (1861–1917)]. Moscow, Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury. 127 p.

Статья поступила в редакцию 26.01.2019 г.